

УДК 94(470)

И.В. Анисимова

**ПОЗИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ВОПРОСУ  
О РЕГЛАМЕНТАЦИИ МИГРАЦИИ КАЗАХОВ В ЮЖНОСИБИРСКИЙ РЕГИОН\***

*В середине XVIII в. началась активная миграция казахов на территорию Российской империи. Центральные и региональные власти столкнулись с острой проблемой – регламентации переселения и положения казахов на российских землях. В первой половине XIX в. отчетливо проявились расхождения в позициях российских центральных органов власти и администрации на местах по вопросам урегулирования миграционного движения и оформления статуса прикочевавших казахов*

Ключевые слова: Южная Сибирь, миграции, казахи.

Геополитические интересы России в Южной Сибири, Казахстане и Центральной Азии, сложные взаимоотношения с Цинской империей, а зачастую и угроза российской безопасности со стороны Цинов, явились важным обоснованием политики России в отношении своих ближайших соседей – казахских жузов, направленной на укрепление хозяйственных и политических связей с ними. Комплекс факторов, прежде всего падение Джунгарского ханства в середине XVIII в., привел к активному миграционному движению казахов на территорию Российской империи. Центральные и, прежде всего, сибирские власти столкнулись с острой проблемой регламентации переселения и положения казахов на российских землях.

На протяжении второй половины XVIII в. российское правительство и власти Омска и Оренбурга разработали и осуществили целый комплекс мероприятий социально-экономического и политического характера, целью которых было как можно теснее «привлечь» Казахстан к России. Этот подход нашел свое выражение в активном строительстве на сибирских линиях домов для казахской знати, в практике выплаты жалований и подарков, в организации льготных условий перекочевки, что в целом способствовало развитию и укреплению русско-казахских отношений. В результате проводимых мероприятий к концу XVIII в. казахам было дано право свободных перекочевок внутрь Сибири. Однако меры, предпринимаемые центральными властями, не всегда соответствовали интересам южносибирского региона. Расхождения в позициях российских центральных органов власти и администрации на местах обострились в первой половине XIX в.

В 1809 г. российским правительством были разработаны правила об отводе земли казахам. В 40-верстной полосе по левому берегу Иртыша все свободные земли разрешалось использовать казахам под хлебопашество, сенокосы и пастбища для скота. Разрешался отвод земли казахам и за чертой крестьянских селений в Томской губернии с согласия губернских и казахских представителей, но не далее 30 верст от линии и не ближе 40 верст к деревням. Земля отводилась с учетом количества кибиток и скота. Казахам с этих участков запрещался переход на казачьи земли и приближение к казачьим и крестьянским пашням и покосам [1. С. 139]. В том же 1809 г. Томский гражданский губернатор потребовал от администрации Колывано-Воскресенского горного округа назначения мест под поселения выходящих из-за границы иноверцев. Польза «важного», по мнению сибирских властей, «приобретения» заключалась в обеспечении безопасности на сибирских границах [2. Л. 2].

Однако власти горного ведомства, который стал одним из важнейших регионов перекочевки казахов, занимают весьма определенную позицию «ни в коем случае не впускать киргизов в заселенную часть заводской округи». Кроме того, канцелярия Колывано-Воскресенских горных заводов пыталась искоренить практику найма казахов населением округа. Неоднократно заводским крестьянам подтверждался запрет «киргизцов ни под каким видом в услужение и на места заводские не принимать» [3. Л. 15]. Столь решительная позиция горнозаводской администрации побудили генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского постановить, чтобы из земель, предполагаемых использо-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-11-22005 «Стратегии и практики этнокультурного взаимодействия народов Алтая (XIX – начало XX в.)».

вать под отвод казахам, исключить территорию горнозаводского округа. Этот запрет был закреплен в июне 1821 г. сенатским указом [4. Л. 128–129].

Необходимость устранить имеющиеся расхождения в позициях центральных и местных властей по вопросу о кочевании казахов на землях горнозаводского округа привела к тому, что в 1821 г. Министерство внутренних дел выдвигает проект «учреждения» о казахам, имевший целью выработать единообразные меры и устранить межведомственные противоречия. По проекту на казахов предполагалось распространить положение «Об иностранцах, переходящих в Россию через Сибирскую линию», где оговаривались причины, по которым казахи переходят в российские пределы: крайняя бедность, межродовые конфликты, нехватка выпасных мест. В проекте отмечались выгоды перехода казахов на кочевку на земли горного округа: во-первых, заводские жители получают в лице перекочевывавших казахов «верных и прилежных» работников, кроме того, с перегоняемых табунов взимается ремонтная пошлина. Проект положения предусматривал определение границ между губернским и заводским ведомствами в Томской губернии, с целью обозначить свободные территории. С данным проектом Кабинет и горнозаводское начальство были категорически не согласны, аргументируя свою позицию негативными последствиями кочевки казахов в пределах округа, среди которых межэтнические столкновения, вызванные, в частности, воровством скота и потравой сенокосных мест. В результате принципиальных разногласий проект так и не был реализован. Следующим шагом, направленным на регламентацию положения казахов на сибирских землях стал принятый в 1822 г. устав «Об управлении сибирскими инородцами». Непосредственное отношение к Горному округу имели разработанные в уставе «Об управлении сибирскими инородцами» правила для казахов внутренних и внешних округов. Введение данного законопроекта получило в целом негативную оценку администрации горного округа.

Согласно Уставу администрация Омской области получила полное право распоряжаться по своему усмотрению на подведомственной ей территории. Отдельные волостные начальники, в частности Усть-Каменогорский, стали выдавать казахам разрешения с ведения администрации Омской области на кочевки в пределах волости. В то же время, по Положению 1822 г., казахам отводились временные кочевья на заводских землях и в южных округах Томской губернии. Эти постанов-

ления шли вразрез с интересами алтайского региона. Практически сразу Колывано-Воскресенское горное начальство выступило с протестом и потребовало от Усть-Каменогорского и Семипалатинского начальства и земского суда ни под каким предлогом не давать разрешения казахам, как подданным, так и выходящим из-за границы, на проживание или на кочевку в заводских местах и «решительно воспретить сие, имея при том строгое наблюдение, дабы они самовольно не переходили в горные земли и селения, под строгую за то ответственность». С подобными требованиями обращалась горная администрация в Омское областное правление [3. Л. 45–48; 5. Л. 1–4].

Однако данная позиция практически не находила поддержки в других властных инстанциях. Напротив, по мнению Семипалатинского окружного управления, выселение казахов с территории ведомства Колывано-Воскресенских горных заводов являлось затруднительным в первую очередь из-за того, что не было проведено точное разграничение областных земель и земель, принадлежащих горному округу [5. Л. 95].

Наиболее резко с критикой Главного Управления Западной Сибири администрация Колывано-Воскресенского горного округа выступила в 1827 г., когда горное начальство выдвинуло обвинения в адрес губернатора Омской области и Главного управления Западной Сибири в превышении полномочий по вопросу о регламентации миграции казахов. Начальник Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролов в своем обращении к председательствующему в Совете Главного управления Западной Сибири заявил, что, несмотря на тот факт, что Усть-Каменогорская волость в административном отношении относится по Положению 1822 г. к Омской области, ее подотчетность характеризуется только в отношении к судебной и полицейской власти. По вопросу же распоряжения лесными и земельными угодьями, а также «позволение или запрещение людям какого бы ни было постороннего ведомства проживать на землях заводских всегда остается в числе прав заводского начальства» [6. Л. 217об–218]. Начальнику Омской области С.Б. Броневскому было сделано замечание, что он, давая разрешение на кочевку казахов на Кабинетских землях, «простирает власть свою далее пределов оной» [6. Л. 217об–218].

Безусловно, позиция, которую занимала администрация Колывано-Воскресенского горного округа, не соответствовала интересам сибирской администрации. Омское областное управление настаивало на разрешении кочующим к тому време-

ни в горном округе казахам остаться на их новых кочевьях. Данное предложение было вызвано рядом причин. В первую очередь, проведение границы Омской области заметно сократило размеры не только казахских кочевий, но и затруднило положение линейных жителей. В данной ситуации, как полагал Омский областной совет, земли, находящиеся между реками Обью и Иртышом, могли бы разрешить вопрос земельного обеспечения казахского населения, так как «степь эта как бы сделавшаяся нарочито для кочевого народа» [3. Л. 37–38]. Областной совет отмечал, что многие казахские аулы круглогодично кочуют на этих землях уже более 30 лет (несмотря на запреты правления Колывано-Вокресенских горных заводов) и оставление казахов на этих кочевьях будет способствовать уменьшению малоземелья на сибирских линиях [3. Л. 39]. В перекочевках были заинтересованы и сибирские линейные войска, которые получали за данные переходы денежную компенсацию в виде ремонтной пошлыны. Так, в 1826–1827 гг. итоговая денежная сумма ремонтной пошлыны составила 30079 руб. 46 коп., параллельно с этим часть пошлыны выплачивалась натурой [3. Л. 45–48].

Тем не менее Горное правление, опираясь на указ о Колывано-Вокресенских заводах от 16 апреля 1828 г., согласно которому все земли, озера и реки, находящиеся на пространстве, занимаемом селениями приписных крестьян, рудниками, заводами, приисками, а также Алтайских гор, лежащих между Бийской линейной дорогой и китайской границей, принадлежат к ведомству Колывано-Вокресенских заводов, считало, что «киргизы в местах Колывано-Вокресенского горного ведомства... ни по чему и ни под каким предлогом к кочеванию или постоянному водворению, как народ хищный, допущены быть не могут и не должны» [7. Л. 238об.–239].

С ликвидацией в 1838 г. Омской области внутренние казахи остались без непосредственного административного подчинения. Но фактически до 1854 г. казахи по-прежнему находились в ведении Омского пограничного правления. Неофициально казахи перешли под начало Омского, Колыванского, Барнаульского, Бийского земских судов, отчасти оказались подотчетны казачьему и горному ведомствам [8. С. 108–109].

Вопрос о статусе казахов, кочующих в пределах горного ведомства, оставался открытым, а их положение требовало юридической регламентации. В связи с этим в середине XIX в. появилось несколько проектов, рассматривающих в том числе и вопросы миграции казахов. Одним из наиболее

интересных и проработанных можно считать исследование чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири Трофимова. В 1840 г., изучив положение казахов Алтайского горного округа, Трофимов для разрешения «казахского вопроса» предложил разделить казахов на три разряда [9. Л. 196–202]. Первый разряд составят: «а) кочующие от крайнего по китайской границе редута Малонарымского до устья реки Нарыма и вниз по Иртышу до форпоста Черемуховского 4 казачьего полка; б) находящие приют между крестьянскими селениями заводского ведомства выше Семипалатинска и правее завода Локтевского и в) живущие домами в самом городе Семипалатинске и подгородных слободах». Во второй разряд войдут все казахи, кочующие от форпоста Черемуховского до границ Оренбургского края, внутри Курганского, Ишимского, Омского округов, а также на «внутренней степи, примыкающей к крестьянским деревням горных округов Колыванского, Барнаульского и Бийского до реки Алея, на которой стоит завод Локтевский», а третий разряд составят казахи, кочующие на левобережье Иртыша [7. Л. 411]. Положение каждого разряда требовало отдельного подхода. Трофимов подчеркивал, что расположение казахов со своими кочевьями вблизи русских деревень, как правило, приводило к росту этнической напряженности. Основным обвинением, предъявляемым к казахам, была кража лошадей. Чиновник отмечал, что «виновных в краже лошадей практически найти не могут... зажиточные казахи держат при себе специальных людей для воровства в русских деревнях и продают угнанных лошадей в казахскую степь» [7. Л. 412–414]. После проведения статистического обследования казахского населения округа Трофимов приходит к выводу, что прикочевывавшие к крестьянским селениям казахи в большинстве своем были «разорившиеся, обездоленные люди» [10. С. 20], не имеющие возможности вести самостоятельное хозяйство. Более того, считал Трофимов, заводские крестьяне высказывали заинтересованность в проживании казахов при их селениях. В одной из своих докладных записок Трофимов применяет термин «старожилые киргизы», что говорит не об эпизодическом появлении казахов, а об установившейся практике перекочевки одних и тех же семей в определенные селения. После рассмотрения докладных записок Трофимова Алтайское горное правление пришло к выводу, что влияние казахских перекочевки пагубно не только для крестьянских хозяйств, но даже для «благополучия самих царских рудников и заводов» [10. С. 22], что стало основанием

для новых обращений к сибирским властям с требованиями запретить перекочевки казахов в пределы округа.

Результатами данных обращений явились постановление генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова от 19 марта 1842 г. и свод правил Тобольского Губернского совета от 9 декабря 1843 г.

Постановление 1842 г. подтверждало распоряжения Омского областного начальства от 1 ноября 1809 г., 24 ноября 1815 г., 14 августа 1835 г., решительно запрещавших «не только водворение в заводском ведомстве киргиз и подобного рода людей, но и дозволение даже временного им там кочевания». Казахов, кочующих на местах горного ведомства вблизи заводских селений, было решено «вывести на другие места, не заселенные крестьянами, не занятые заведениями, назначив для кочевки дистанцию, так чтобы отведенные для киргиз на этой дистанции места находились к селениям не ближе 40 верст». В качестве районов переселения казахов предлагались Касмалинская, Нижнекулундинская и Бурлинская волости. Предполагалось, что эти меры остановят несанкционированное переселение казахов. Однако активных откочевок казахов с территории округа не произошло. Уже к середине XIX в. казахи заняли своими кочевьями юго-западную часть Алтайского горного круга.

Таким образом, в первой половине XIX в. наиболее отчетливо проявились расхождения центральных, сибирских и местных властей по вопросу о регламентации миграционного движения казахов. Администрация горного округа была категорически против присутствия казахов на его территории. Свою позицию правление аргументировало наличием угроз этнической безопасности, усилением межэтнических конфликтов, вызванных в первую очередь наносимым крестьянским хозяйствам ущербом. Сибирские власти придерживались умеренной позиции в решении данного

вопроса. Не желая конфликтовать с Кабинетом, сибирская администрация, которой было невыгодно выселение казахов за пределы Алтайского горного округа, так как это привело бы к осложнению отношений в Восточном Казахстане, фактически игнорировала его просьбы и предписания. Центральная власть стремилась закрепить существующее положение. Было выработано несколько проектов, дающих казахам права свободного переселения в пределы Алтайского горного округа. Хотя в 1854 г. было принято постановление «О прекращении в Западной Сибири конокрадства», согласно которому все кочующие на землях округа казахи должны быть выселены за пределы Горного ведомства и подтверждался запрет перехода казахов в Горный округ на кочевья и земли крестьянских селений, он не был реализован на практике, и миграции казахов в регион продолжались. Вплоть до середины XIX в. власти различного уровня так и не смогли выработать единую позицию по отношению к миграции казахов в пределы Алтайского горного округа.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М., 1980.
2. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 183.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 663.
4. ЦГА РК. Ф. 478. Оп. 2. Д. 8.
5. ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 389.
6. Государственный архив Алтайского края. (ГААК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. Л. 217об–218.
7. ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 77.
8. Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального Штаба. Часть I: Область сибирских киргизов. СПб., 1868.
9. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 18. Д. 123.
10. Алексеенко Н.В. Ценный источник о казахско-русских взаимосвязях // Проблемы истории русско-казахских взаимосвязей в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата, 1980.